Шарлотта Эйзинбург
РАЗВОД
шах и мат, дорогой!

Шарлотта Эйзинбург
Развод. Шах и мат, дорогой!

https://litres.ru/74435909

Аннотация

— Ты останешься ни с чем и с миллионными долгами! — кричал муж, когда понял, что его идеальный план рухнул.

Он думал, что я просто тихая, удобная жена. Соломинка, на которую можно повесить свои кредиты, пока он ворует деньги у собственной компании и содержит молодую любовницу. Он планировал уйти красиво, оставив меня на растерзание банку. Но он забыл одну маленькую деталь: по образованию я - аудитор. Чтобы наказать предателя, я устраиваюсь на работу в его же холдинг. Моя цель найти доказательства его махинаций и пустить по миру. Мой план мести идеален, но в него внезапно вмешивается генеральный директор компании. Мой новый босс. Властный, опасный и до одури привлекательный мужчина, который ловит меня с поличным и... предлагает сделку. Сделку, в которой я рискую потерять не только работу, но и свое сердце.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	48
Глава 9	55
Глава 10	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Глава 1

Ключ поворачивается в замке с противным скрежетом. Этот звук всегда меня раздражал, но сегодня он звучит как приговор. Отпуск окончен. Иллюзия счастья — тоже.

Олег вваливается в прихожую первым, бросает тяжелый чемодан прямо у порога. Он даже не снимает ботинки, сразу лезет в карман за телефоном. Экран загорается, освещая его лицо — напряженное, сосредоточенное.

— Фух, ну и духота, — бурчит он, не глядя в мою сторону. — Марин, разбери сумки сама, а? У меня там сообщений по работе — завал.

Конечно. У начальника отдела логистики работа не заканчивается никогда. Даже в турецком "олл-инклюзиве" он умудрялся прятаться с телефоном в туалете, якобы "решая вопросы с таможней".

Я молча стягиваю босоножки. Загар на моих ногах смотрится чужеродно здесь, в серой московской прихожей. Мы улетали, чтобы спасти наш брак. Чтобы "перезагрузиться". Врачи говорили: "Вам нужно отпустить ситуацию, смените обстановку, и всё получится".

Мы сменили. Только обстановка не помогла сменить мужа.

Из кухни, вытирая руки о цветастый передник, выплывает Антонина Павловна. У нее есть свои ключи — подарок Олега

на прошлый Новый год. Мой личный кошмар.

— Ой, приехали! Голубчики мои! — она лезет целоваться. От нее пахнет жареным луком и навязчивыми духами "Красная Москва". — А я вам тут ужин сварганила. Думаю, с дороги голодные, уставшие...

Олег, наконец, отрывается от экрана и натягивает дежурную улыбку. Для мамы у него всегда есть улыбка.

— Мам, спасибо. Ты чудо. Есть хочу — умираю.

Он целует её в щеку, а меня словно не существует. Я — мебель. Чемодан. Функция.

— Марина, ты чего такая кислая? — свекровь сканирует меня взглядом-рентгеном. — Загорела вроде, а глаза тусклые. Небось, опять Олега пилила всю дорогу?

— Я просто устала, Антонина Павловна, — процеживаю я, стараясь держать лицо. — Перелет был долгим.

— Устала она... От отдыха устала? — хмыкает она, поворачиваясь к сыну. — Олежек, мой руки, котлетки стынут. А ты, Марин, давай, накрывай.

Я иду в ванную. Мне нужно пять минут. Просто пять минут тишины.

Закрываю замок. Включаю воду, чтобы заглушить их голоса. Руки дрожат, когда я достаю из косметички небольшую картонную коробочку. Я купила её ещё в аэропорту Анталии, тайком от Олега.

Глупо. Как же это глупо.

Сердце колотится где-то в горле. Я смотрю на себя в зер-

кало. Тридцать два года. Красивая, ухоженная женщина. Почему же я чувствую себя такой жалкой?

Процедура отработана до автоматизма. Ожидание тянется вечность, хотя проходит всего три минуты.

Я опускаю глаза.

Одна.

Кристально чистая, белая пустота рядом с контрольной полоской. Ни призрака, ни намека.

Пусто. Как и в моей душе.

В груди что-то обрывается. Не больно, нет. Просто холодно. Мы летали "делать ребенка". Мы ели морепродукты, смотрели на закаты, и одну ночь Олег даже был нежным. Я поверила. Я, взрослая дура, поверила, что море всё исправит.

Смываю тест. Умываюсь ледяной водой, смывая с лица дорожную пыль и остатки надежды.

Когда я выхожу, они уже сидят за столом. Олег жадно ест, Антонина Павловна подкладывает ему добавки, воркуя что-то про "кожу да кости".

— Ну, рассказывайте, — она подпирает щеку кулаком, глядя на меня с прищуром. — Как отдохнули? Плодотворно?

Слово "плодотворно" она выделяет интонацией.

— Нормально, — бурчит Олег с набитым ртом.

— Марин? — не унимается свекровь. — Может, привезете нам кого? Вон у Любки с третьего этажа невестка уже второго ждет. А вы всё для себя живете, эгоисты. Часики-то

не просто тикают, они уже набат бьют.

Я сжимаю вилку так, что белеют костяшки пальцев.

— Антонина Павловна, давайте не будем, — мой голос звучит глухо.

— А чего не будем? Я внуков хочу! Олег вон пашет как вол, семью обеспечивает. А от тебя что требуется? Очаг хранить, да рожать.

Олег молчит. Он просто жует котлету и смотрит в телефон. Он не защитит меня. Никогда не защищал.

Вдруг его смартфон вибрирует на столе. Резкий, противный звук. Олег вздрагивает, хватает трубку так быстро, словно это граната с выдернутой чекой.

— Да? — его голос меняется. Становится деловым, жестким. Слишком наигранно жестким. — Что? На складе? Когда? Да вы что там, совсем охренели?!

Он вскакивает из-за стола, едва не опрокинув стул.

— Да, я понял. Сейчас буду. Ничего без меня не трогать!

Он сбрасывает вызов и виновато смотрит на мать. На меня — только мельком.

— Мам, Марин... Срочный вызов. Фура с товаром перевернулась на въезде в город, накладные перепутали, там ад. Шеф орет, надо ехать.

— Сейчас? — тихо спрашиваю я. — В десять вечера? В воскресенье?

— Это логистика, Марин! — он повышает голос, в его глазах мелькает раздражение. — Товар на миллионы! Если я не

приеду, меня уволят. Ты этого хочешь?

— Беги, сынок, беги! — кудахчет Антонина Павловна. — Работа — это святое. А мы тут с Мариночкой чайку попьем.

Олег уже в коридоре. Я слышу, как он торопливо обувается, гремит ключами.

— Я поздно буду, не жди! — кричит он от двери.

Хлопок. И тишина.

Я смотрю в окно. Через минуту из подъезда выбегает мой муж. Он не выглядит расстроенным. Он почти бежит к своей машине, на ходу набирая чей-то номер. И по тому, как расслабляются его плечи, я понимаю: он звонит не на склад.

— Ну вот, — вздыхает свекровь, придвигая ко мне вазочку с печеньем. — Убежал кормилец. А ты, Марина, ешь. А то тощая, как вобла. Оттого и не беременеешь, наверное. Мужику-то за что-то подержаться надо...

Я смотрю на неё, на остывающую котлету в тарелке Олега, и понимаю: чаша переполнилась.

У него нет никакой аварии. У меня нет ребенка. У нас нет семьи.

Есть только я, эта чужая кухня и одна полоска на тесте, которая сегодня, наконец-то, расставила всё по местам.

Глава 2

Вежливо отказываюсь от чая в компании своей свекрови и ухожу к себе в спальню. Здесь пахнет Олегом — его туалетной водой, самоуверенностью и... ложью. Я сажусь на край идеально заправленной кровати. Руки лежат на коленях спокойно. Странно, но истерики нет. Внутри меня словно выжженная пустыня.

Одна полоска.

Эта картинка стоит перед глазами, как клеймо.

Пять лет я жила от цикла до цикла. Градусники, тесты, врачи, позы березкой. Я превратила себя в инкубатор, забыв, что я — человек. Личность.

— Хватит, — говорю я своему отражению в темном окне.

Голос звучит твердо.

Мне нужна перезагрузка. Мне нужно вытащить голову из этой петли, иначе я просто сойду с ума в четырех стенах, ожидая мужа, который врет мне в глаза.

Работа.

Мне нужно дело. Сложное, требующее мозгов, а не матки.

Я открываю ноутбук. Пароль ввожу на автомате. Открываю сайт с вакансиями.

Пальцы сами вбивают в поиск: «Экономист», «Аудитор», «Финансовый аналитик».

Вакансий сотни. Но взгляд цепляется за знакомый лого-

тип. Золотая буква «G» на черном фоне.

«Гранд-Интерьер». Холдинг, где работает Олег.

Вакансия: «Ведущий специалист отдела внутреннего контроля». Требования жесткие: опыт, знание МСФО, английский, стрессоустойчивость.

Олег всегда говорил: «Марин, ну куда ты полезешь? Твой диплом уже пылью покрылся. Сиди дома, украшай собой мир».

Я усмехаюсь. Украшать мир мне надоело. Я хочу его немного перекроить.

Назло.

Я подам заявку именно туда. Я докажу ему — и прежде всего себе, — что я стою большего, чем роль удобной мебели.

Я быстро заполняю форму. Резюме у меня старое, но крепкое. Осталось прикрепить сканы документов.

Диплом. ИНН. СНИЛС.

Я лезу в ящик стола, где храню бумаги.

Пусто.

Папка с документами на квартиру — на месте. Паспорта нет. Диплома нет.

Я хмурюсь. Олег.

Он вечно перекладывает мои вещи, мотивируя это тем, что «я всё теряю».

— Где же ты их спрятал, педант чертов? — шепчу я, выдвигая ящики один за другим.

Взгляд падает на сейф в углу шкафа. Небольшой металлический ящик, где он хранит наличку и «важные бумаги».

Я подхожу к нему.

Код. Он менял его полгода назад, говорил, что старый слишком простой.

Но Олег предсказуем до тошноты. Он не запоминает сложные цифры.

Я ввожу дату нашей свадьбы. 2508.

Пилик. Зеленая лампочка.

Бинго.

Дверца податливо открывается.

Внутри — стопки наличных (наши накопления «на черный день»), папки с договорами и... мои документы. Вот он, мой красный диплом, лежит под кипой его страховок.

Я тянусь за ним, но пальцы задевают плотный конверт из дорогой черной бумаги. Он лежит отдельно, в самой глубине, словно спрятанный от посторонних глаз.

На нем нет надписей.

Любопытство — порок. Но ложь — порок еще больший.

Я достаю конверт. Он не заклеен.

Внутри лежит пластиковая карта. Platinum. Черная, тяжелая, матовая.

Имя на карте: OLEG PETROV

Я верчу её в руках. У нас общий бюджет. Я знаю все его карты: зарплатную, кредитку, накопительную. Этой карты я не видела никогда.

Истекает в 2035 году. Свежая.

В конверте есть еще кое-что. Сложенный вчетверо лист бумаги. Банковская выписка за прошлый месяц. Видимо, он заказывал её для визы или какого-то кредита и забыл выложить.

Я разворачиваю лист. Строчки пляшут перед глазами, но цифры — вещь упрямая. Они не врут.

12.01. Ресторан «White Rabbit». – 45 000 руб.

Не помню, чтобы мы ходили в этот ресторан.

14.01. Бутик «Agent Provocateur». – 28 000 руб.

Нижнее белье. Я инстинктивно сжимаю ткань халата на груди. Мне он белье не дарил уже года три.

18.01. Цветочная база «Elite Flowers». – 15 000 руб.

И, наконец, регулярные переводы. Раз в неделю.

Перевод клиенту банка. Получатель: Кристина А. – 50 000 руб.

Перевод клиенту банка. Получатель: Кристина А. – 50 000 руб.

Сердце делает кульбит и ухает куда-то в желудок.

Воздух в комнате становится ледяным.

Это не просто измена. Это параллельная жизнь.

Мы копили. Откладывали каждый месяц на строительство загородного дома, на новый телевизор и детскую. Олег ныл, что на работе дела идут туго, просил меня «поужаться» в тратах. Я не покупала себе лишнюю сумку, выбирала продукты по акции, верила, что мы строим будущее.

А он в это время содержал другую женщину. Кормил её устрицами, одевал в кружева и переводил ей суммы, равные моей бывшей зарплате.

Кристина А.

Я смотрю на это имя, и буквы расплываются, но не от слез.

От ярости.

Чистой, концентрированной ярости, которая заливает вены вместо крови.

Квартира общая. Куплена в браке. Если я подам на развод сейчас, этот подонок потребует половину. Он заставит меня продать мой дом, мой уютный мир, который я создавала по крупицам, чтобы забрать свои деньги и спустить их на эту девку.

Нет.

Хрен тебе, Олег.

Ты не получишь ни метра. Ты уйдешь отсюда с голой жопой. Я докажу, что ты обворовывал семью.

Я не плачу. Я даже не дрожу.

Я достаю телефон и делаю четкие снимки. Карты. Выписки. Каждой строчки.

Затем аккуратно складываю бумагу по старым сгибам, убираю карту в конверт и кладу его на то же самое место, под тем же углом.

Но рядом с конвертом лежит еще одна папка. Синяя, пухлая.

Я знаю эту папку. Там лежат кредитные договоры.

Олег принес их полгода назад. Сделал озабоченное лицо, налил мне чаю, сел напротив и взял за руку.

— Мариш, тут такое дело. Служба безопасности на работе гайки закручивает. Мне нельзя светить крупные кредиты на свое имя, иначе вопросы будут. А нам нужно машину обновить. И мотор для лодки я давно хотел, помнишь? Давай оформим на тебя? Ты же у меня кристально чистая перед банками. А платить я буду.

И я, дура влюбленная, кивала.

— «Конечно, милый. Если так надо для безопасности...»

Я открываю папку.

Два договора. Две петли на моей шее. Автокредит и потребительский кредит на мотор.

Я смотрю на цифры кредита, и пазл в голове складывается со щелчком, похожим на выстрел.

Это была не «безопасность». Это была соломка.

Он знал.

Он уже тогда спал с этой Кристиной. Он понимал, что рано или поздно я узнаю, или он сам решит уйти к молодой и звонкой.

И он подготовился.

Если мы разведёмся завтра, то машину, мотор и квартиру он поделит пополам… А вот все кредиты останутся на мне!

— Ах ты ж тварь... — выдыхаю я. Слова падают в тишину комнаты тяжелыми камнями.

Он не просто изменял. Он меня банкротил.

Он планировал бросить меня с долгами, а сам уехать на новом Лексусе в закат с любовницей. Платить по моим счетам он не станет. Скажет: «Денег нет, уволили, бизнес встал». И коллекторы придут ко мне.

У меня темнеет в глазах.

Хочется схватить эти бумаги. И когда он вернётся кинуть ими в его самодовольную рожу. Разорвать, уничтожить, заорать так, чтобы стекла вылетели...

Нет.

Стоп.

Я делаю глубокий вдох. Считаю до трех.

Если я сейчас устрою скандал, он перестанет платить уже завтра. И я останусь одна с этими кредитами. Без работы. Без накоплений.

Я буду нищей.

Я медленно закрываю папку. Кладу её на место. Ровно миллиметр в миллиметр.

Закрываю сейф.

Забираю свой диплом.

Ты хотел войны, Олег? Ты хотел сыграть со мной в игру «оставь жену дурой»?

Ты не учел одного.

Загнанная в угол крыса кусает больнее всего. А загнанная в угол женщина-экономист — это смертный приговор.

Я не уйду, пока не перевешу эти долги на тебя.

Я не уйду, пока не выпотрошу твои счета до копейки.

Ты сам подпишешь всё, что мне нужно. Или сядешь в тюрьму.

Я выхожу из комнаты. На лице — маска спокойствия. Внутри — ядерный реактор.

Теперь мне точно нужна эта работа. И мне нужен очень, очень хороший адвокат.

Глава 3

Шкворчание яичницы на сковородке — единственный звук, который нарушает утреннюю тишину. Я разбиваю два яйца. Ровно два. Для себя. Раньше я бы уже нарезала овощи, варила кашу и взбивала омлет для Олега, стараясь угодить. Сегодня я бросаю на сковородку две сосиски. Запах жареного мяса щекочет ноздри, пробуждая зверский аппетит.

Телефон на столешнице вибрирует. Незнакомый городской номер. Я вытираю руки полотенцем и принимаю вызов.

— Алло?

— Марина Юрьевна? — женский голос, деловой, но приятный. — Это Елена, HR-отдел холдинга «Гранд-Интерьер». Мы получили вашу заявку. Ваше резюме нас заинтересовало, особенно опыт в аудите. У вас будет время подъехать сегодня к 13:00?

Сердце пропускает удар. Так быстро? Я бросаю взгляд на часы. Десять утра.

— Да, Елена. Я буду.

— Отлично. Закажу вам пропуск. До встречи.

Я отключаюсь. Внутри разливается горячая волна триумфа. Первый шаг сделан. Меня заметили. Я накладываю яичницу в тарелку, наливаю себе крепкий кофе и сажусь за стол.

В коридоре шарканье. В кухню вползает Олег. Он вернулся в три ночи. Я слышала, как он крался, стараясь не шуметь.

Почему он не остался у нее? Боялся скандала? Или Кристина не такая уж «домашняя» и выставила его за дверь сразу после... всего? Выглядит он паршиво. Лицо помятое, под глазами мешки.

— М-м, пахнет вкусно, — бурчит он, плюхаясь на стул напротив. — Сделай мне тоже, а? И кофе покрепче. Голова раскалывается.

Я не спеша отрезаю кусочек сосиски, отправляю в рот и тщательно жую.

— Яйца в холодильнике, Олег. Кофе в банке. Руки у тебя есть.

Он замирает. В его глазах — искреннее непонимание. Словно тостер вдруг заговорил и отказался жарить хлеб.

— Марин, ты чего? Я устал, я пахал вчера до ночи...

— До трех ночи? — уточняю я, глядя ему прямо в переносицу. — Наверное, очень сложная была... логистика.

Он дергается, отводит взгляд.

— Ну да. Я же говорил, аврал. А ты опять начинаешь? Тебе сложно мужу завтрак приготовить?

— Сложно, — я делаю глоток кофе. — Я спешу. У меня дела.

Олег раздраженно фыркает, встает и рывком открывает холодильник. Достает баночку йогурта, срывает фольгу так, что капли летят на стол. В этот момент его телефон на столе пиликает. СМС от банка.

Олег смотрит на экран и страдальчески закатывает глаза.

— Опять... Господи, как же я задолбался.

Он швыряет телефон обратно на стол.

— Списали платеж по кредиту. Очередной. Я скоро по миру пойду с этими долгами.

Он начинает агрессивно мешать йогурт ложкой, словно это йогурт во всем виноват.

— Я тяну эту лямку один, Марин. Один! Ты хоть представляешь, какая там сумма набегает в месяц? Машина, мотор этот чертов, маме помогаю постоянно… Я из кожи вон лезу, чтобы всё это оплачивать. Кручусь как белка в колесе, света белого не вижу.

Я молчу.

— А денег вечно нет, — продолжает ныть он. — Еще этот отпуск... Двести тысяч просто коту под хвост выкинули.

— Мы ездили восстанавливать здоровье, — тихо говорю я.

— Здоровье? — он усмехается, и эта усмешка перекашивает его лицо. — Мы ездили, чтобы ты забеременела. И что? Где результат, Марин?

Он тычет ложкой в мою сторону.

— Пустышка. Просто деньги на ветер. Двести штук! А я теперь должен думать, где перехватить до зарплаты, чтобы проценты банку перекрыть. Может, мне стоит найти кого-то поздоровее, а?

В кухне повисает звенящая тишина. Слова ударили больно. Прямо в дыру в груди. Но вместо слез я чувствую, как

внутри закипает холодная ярость. Он упрекает меня деньгами. Деньгами, которые сам же ворует и тратит на любовницу.

— Ты закончил? — мой голос звучит пугающе ровно даже для меня самой.

— Я просто говорю факты, — он швыряет пустой стаканчик в мусорку. — Всё, я на работу. Хоть там меня ценят.

Он выходит из кухни, даже не попрощавшись. Через минуту хлопает входная дверь. Я остаюсь одна. Ноги подкашиваются, я оседаю на стул. «Пустышка». «Деньги на ветер». Хорошо, Олег. Ты сам подписал себе приговор. Раньше мне было тебя жалко. Теперь — нет.

Я иду в душ, смываю с себя липкое ощущение от этого разговора. Открываю шкаф. Достаю свое «боевое» платье. Темно-синий футляр, строгий, но подчеркивающий фигуру. Никаких мягких свитеров и удобных джинс. Я делаю макияж. Ярче, чем обычно. Подвожу глаза, выделяю скулы. В зеркале на меня смотрит не забитая домохозяйка. На меня смотрит женщина, которой больше нечего терять.

В 12:15 я выхожу из дома.

Моя красная «Мазда» ждет меня во дворе. Сажусь за руль, включаю музыку погромче, чтобы заглушить его голос в голове. До офиса «Гранд-Интерьер» ехать минут сорок, если без пробок. Но Москва стоит. Навигатор рисует бордовые линии.

Я нервничаю. Только бы не опоздать. Это мой единственный шанс. Мой билет в новую жизнь. Я толкаюсь в потоке,

перестраиваюсь из ряда в ряд, пытаясь выиграть хоть пару метров. Время 12:50. Я уже почти у цели. Вижу стеклянную башню бизнес-центра, сверкающую на солнце.

— Давай, милая, давай, еще чуть-чуть, — шепчу я, сжимая руль.

Впереди загорается желтый. Поток ускоряется, чтобы проскочить. И вдруг машина передо мной — огромный, черный, блестящий танк — резко бьет по тормозам, хотя мог бы спокойно проехать.

Я жму на педаль, но дистанция слишком мала, а нервы — на пределе. Колеса визжат по асфальту.

БАМ!

Звук удара глухой, тошнотворный. Меня дергает вперед, ремень больно впивается в плечо, телефон слетает с соседнего сиденья. Я замираю, вцепившись в руль побелевшими пальцами. В салоне повисает тишина.

— Нет... — выдыхаю я. — Только не это. Пожалуйста.

Поднимаю глаза. Мой капот уткнулся в задний бампер черного монстра. Дорогого, очень дорогого автомобиля. Кажется, это «Гелендваген».

Я смотрю на часы. 12:55. Я опаздываю. А из черного джипа уже открывается водительская дверь. Медленно. Угрожающе.

Я отстегиваю ремень и понимаю: день перестал быть просто плохим. Он стал катастрофой.

Глава 4

Дождь накрапывает мелкой, противной взвесью, мгновенно оседая на волосах. Но мне плевать на прическу. Мне плевать на дождь.

Я смотрю на мужчину, который вышел из черного танка, и чувствую, как внутри закипает магма.

Он высокий. Возмутительно высокий. Темно-серый костюм сидит как влитой — явно шили на заказ, ни одной лишней складки. Белоснежная рубашка расстегнута на верхнюю пуговицу, галстука нет, но от него веет такой властью и деньгами, что хочется инстинктивно выпрямить спину. Или убежать.

Но бежать мне некуда.

Он не спеша снимает темные очки, оглядывая сначала свой бампер (на котором, конечно же, ни царапины), а затем переводит взгляд на меня.

Глаза у него серые. Холодные, насмешливые, сканирующие.

— Куда летим, красавица? — голос низкий, с хрипотцой. Бархатный баритон, от которого у нормальных женщин подкашиваются колени. Но я сейчас не нормальная. Я — бомба с часовым механизмом. — Или зеркала в машине только для того, чтобы губы красить?

Меня словно током бьет.

Опять. Опять этот снисходительный тон. Как у Олега. «Баба за рулем», «обезьяна с гранатой», «куда ты лезешь».

— Зеркала, — чеканю я, подходя к нему вплотную. Приходится задирать голову, чтобы смотреть ему в лицо, и это бесит еще больше. — Нужны для обзора. А педаль тормоза — для экстренного торможения, а не для того, чтобы проверять реакцию тех, кто едет сзади.

Он удивленно приподнимает бровь. Легкая ухмылка трогает уголок его губ.

— Ого. Зубки?

— Правила дорожного движения, — огрызаюсь я. — Пункт 9.10. Водитель должен соблюдать дистанцию. Но и резкое торможение без причины запрещено. Вы ударили по тормозам на мигающий желтый. Могли проехать.

— Мог, — соглашается он лениво. — Но не захотел. Я не люблю спешить. А вы, видимо, очень торопитесь?

— Я опаздываю на встречу, от которой зависит моя жизнь! — вырывается у меня. — А теперь, благодаря вашему «не захотел», я стою здесь под дождем и теряю драгоценные минуты.

Я достаю телефон, руки слегка дрожат, но я заставляю себя сделать четкие фото. Мой разбитый нос. Его целый зад. Номера.

— У меня нет времени ждать ГАИ, — я резко поворачиваюсь к нему. — Оформим европротокол? Или вы будете настаивать, что это я въехала в стоячую машину?

Он смотрит на меня с откровенным интересом. Не как на виновницу ДТП, а как на забавную зверушку, которая вдруг решила укусить льва.

— Европротокол... — тянет он. — С таким-то характером? Я думал, вы сейчас монтировку достанете.

— Было бы желание, — бурчу я, открывая багажник, чтобы достать бланк. — Но монтировка испортит маникюр. Ваша фамилия?

Он молчит секунду.

— Львов. Давид Александрович.

Я замираю на миг. Львов. Ему подходит. Взгляд хищника.

— Петрова Марина, — бросаю я сухо. — Заполняйте свою часть. И побыстрее, пожалуйста.

Он берет ручку. Пишет размашисто, уверенно, не обращая внимания на капли дождя, падающие на бумагу.

— Держите, Марина, — он протягивает мне бланк. — И на будущее: держите дистанцию. Особенно с черными джипами. Это опасно для здоровья.

— А вы смотрите в зеркала, — парирую я. — Иногда там можно увидеть не только себя любимого.

Возвращаюсь в машину.

Через лобовое стекло вижу, как он стоит прямо перед моим капотом, сунув руки в карманы, и смотрит на меня. Улыбается. Нагло, самоуверенно.

Я включаю левый поворотник, резко выкручиваю руль и, вдавив газ, объезжаю его неподъемный танк.

Идиот. Красивый, богатый, самодовольный. Из-за него я могла не просто опоздать на собеседование, а разбиться!

Часы показывают 12:58.

У меня две минуты.

Я влетаю на подземную парковку бизнес-центра, чудом находя свободное место.

Сердце колотится где-то в горле, руки липкие от волнения.

Я глушу мотор и выдыхаю.

Так, соберись. Ты не истеричка. Ты профессионал.

Я смотрю на свои ноги. Удобные мокасины, в которых я вожу машину. Не пойдет.

Я лезу на заднее сиденье, достаю коробку.

Черные лодочки на высокой шпильке. Моя броня.

Сбрасываю мокасины, втискиваю ноги в узкие туфли. Сразу меняется осанка. Спина выпрямляется, подбородок поднимается выше.

Быстро поправляю макияж в зеркале заднего вида. Тушь чуть размазалась из-за дождя. Я стираю черное пятнышко пальцем.

Хватаю сумку с документами и бегу к лифту.

Цокот каблуков по мраморному полу холла отдается в висках.

13:05.

Я опоздала на пять минут. Для аудитора это почти приговор.

Лифт возносит меня на 25-й этаж. Двери открываются, и я попадаю в царство стекла и бетона. Офис «Гранд-Интерьер» кричит о деньгах. Панорамные окна, дизайнерская мебель, тишина, нарушаемая лишь шелестом кондиционеров.

— Марина Юрьевна? — ко мне подходит девушка с ресепшена. — Вас ждут. Пройдемте.

Меня заводят в переговорную.

За длинным столом сидит строгая женщина лет пятидесяти в очках — явно главный бухгалтер или финдиректор, и молодая девушка из HR.

— Извините за опоздание, — я стараюсь, чтобы голос звучал ровно, хотя дыхание сбито. — Небольшое ДТП. Форс-мажор.

— Пунктуальность — вежливость королей, Марина Юрьевна, — сухо замечает женщина в очках, не отрываясь от моего резюме. — Присаживайтесь.

Начинается допрос. МСФО, проводки, опыт работы, декретный отпуск (точнее, его отсутствие). Я отвечаю четко, по делу. Мозги включаются, эмоции отступают. Я чувствую себя уверенно. Цифры — моя стихия. В отличие от мужчин, они не врут.

— Что ж, — женщина наконец снимает очки. — Знания у вас есть. Но перерыв в стаже... Мы ищем человека с жесткой хваткой. Внутренний аудит — это не просто отчеты. Это конфликты. Умение находить ошибки и тыкать в них носом людей, которые занимают высокие посты. Вы выглядите

слишком... мягкой. Интеллигентной.

Я сжимаю руки под столом. Мягкой?

— Внешность обманчива, — твердо говорю я. — Я умею добиваться своего. И я не боюсь конфликтов, если правда на моей стороне.

— Правда? — женщина усмехается. — В бизнесе нет правды, есть интересы.

В этот момент тяжелая стеклянная дверь переговорной распахивается без стука.

В комнату входит мужчина.

Аура власти врывается вместе с ним раньше, чем он делает шаг.

HR и Финдиректор мгновенно подбираются, встают.

— Давид Александрович!

Я застываю.

Медленно, как во сне, поворачиваю голову.

Высокий. Темно-серый костюм. Расстегнутый ворот рубашки.

И серые, холодные глаза, которые сейчас смотрят на меня с узнаванием и веселым удивлением.

Это он.

Львов.

Тот самый хам, которого я полчаса назад отчитывала на Садовом кольце как мальчишку.

Земля уходит из-под ног.

Всё. Конец. Можно вставать и уходить. Он меня не просто

не возьмет — он меня сейчас уничтожит. Я нахамила собственному боссу.

Давид Александрович проходит к столу, отодвигает стул — тот самый, во главе, — и садится.

— Продолжайте, — кидает он своим сотрудницам, не сводя с меня глаз. — Я просто послушаю. Кто у нас тут?

— Петрова Марина, — лебезит HR. — Соискатель на должность ведущего экономиста. Мы как раз обсуждали, что Марине Юрьевне, возможно, не хватит... жесткости для этой позиции.

Давид усмехается.

— Жесткости? — переспрашивает он, глядя мне прямо в глаза. — Серьезно?

Я чувствую, как щеки заливает краска. Но я не отвожу взгляд. Я вспоминаю Олега. Вспоминаю кредиты. Вспоминаю, зачем я здесь.

Я не сдамся. Даже если передо мной сам черт.

— Давид Александрович, — мой голос звенит от напряжения. — То, что произошло на дороге...

— А что произошло на дороге? — перебивает он, склонив голову набок. — Вы продемонстрировали отличное знание ПДД. И, кажется, упомянули, что у вас «встреча, от которой зависит жизнь». Это она?

В кабинете повисает тишина. Финдиректор переводит взгляд с него на меня, ничего не понимая.

— Да, — выдыхаю я. — Это она.

— Любопытно, — он барабанит пальцами по столу. — Значит, вы считаете, что я виноват в том ДТП?

Это проверка. Я понимаю это кожей. Если я сейчас начну извиняться и лебезить, как все — он меня вышвырнет.

Я расправляю плечи.

— Я считаю, Давид Александрович, что на дороге все равны. И дистанцию нужно соблюдать, даже если ваш автомобиль стоит как моя квартира. Вы нарушили правила. Я — нет. Здесь, в офисе, вы — босс. Там — вы были участником движения. Я разделяю личное и профессиональное.

Финдиректор бледнеет. HR закрывает рот рукой.

Они ждут взрыва.

Давид молчит секунду. Две. Его взгляд сверлит меня, ищет слабину.

А потом он вдруг смеется. Громко, искренне.

— Разделяет она... — он качает головой, откидываясь на спинку кресла. — Татьяна Петровна, — обращается он к финдиректору. — Вы говорили, ей не хватает жесткости? Вы ошиблись.

Он снова смотрит на меня. В его глазах пляшут бесята.

— Мне нравятся люди, которые не боятся кусаться. Особенно когда на них прет танк. В нашем отделе аудита нужны зубы. А у этой девушки они есть.

Он встает.

— Оформляйте.

— Но... тестирование... — растерянно бормочет HR.

— Не нужно, — отрезает он. — Я её уже протестировал. Стрессоустойчивость — уровень «Бог». Или уровень... — он делает паузу, и его губы растягиваются в улыбке, — уровень Ёжик.

— Ёжик? — тупо переспрашивает девушка.

— Да. Маленький, но колючий. И, судя по всему, бесстрашный.

Он идет к двери, но останавливается около моего стула. Наклоняется чуть ближе, так, что я чувствую тот самый запах — дорогой парфюм и табак.

— Добро пожаловать в «Гранд-Интерьер», Марина. И машину поставьте на подземный паркинг. Место 305. Скажите охране, я разрешил. Чтобы больше никто в вас не въехал. Жалко будет бампер... и ваши нервы.

Дверь за ним закрывается.

Я сижу, вцепившись в подлокотники кресла, и чувствую, как по спине бежит холодный пот.

Меня взяли.

Я получила работу. Я в тылу врага.

И, кажется, я только что понравилась самому опасному хищнику в этом лесу.

Глава 5

Выезжаю с подземной парковки «Гранд-Интерьера» и выруливаю на проспект. Адреналин после собеседования немного отпускает, и накатывает осознание: мне нужен план. Юридический план.

Я нажимаю кнопку на руле, набирая Иру.

Ирка — моя университетская подруга. Ураган, а не женщина. Пару лет назад она прошла через адский развод. Муж пытался отсудить у неё даже кота и кофеварку, но Ира наняла каких-то акул, а не адвокатов. В итоге бывший остался с чемоданом носков, а Ира — с квартирой, машиной и сияющими глазами.

— Маруся! — кричит она в динамиках так, что я вздрагиваю. — Сколько лет, сколько зим! Ты чего звонишь среди дня? Твой благоверный наконец разрешил тебе иметь личную жизнь?

— Случилось, Ир, — говорю я, перестраиваясь в правый ряд. — Мне нужен твой юрист. Тот самый, который тебя разводил.

На том конце повисает тишина. Ровно на секунду.

— Та-а-ак, — протягивает Ира, и я слышу в её голосе боевой азарт. — Наконец-то! Я знала, что ты прозреешь. Что натворил этот маменькин сынок?

— Всё сразу. Измена, воровство и кредиты на мое имя.

— Ох ты…— присвистывает она. — Ладно, подруга, отставить панику. Ты обратилась по адресу. Мой адвокат сейчас на Бали, но я найду тебе кого-то получше. Тебе нужен не просто юрист, тебе нужен питбуль. Который вцепится и не отпустит, пока не выгрызет всё до копейки.

— Именно, — киваю я. — Мне нужно, чтобы он остался голым. Буквально.

— Будет сделано, — чеканит Ира. — Ты давай там, нос не вешай. Помнишь, как я рыдала? А сейчас смотрю на своего бывшего и думаю: господи, спасибо, что избавил! Ты молодая, красивая, у тебя всё будет. Я подниму все свои контакты. Целую!

Я кладу трубку. Плечи расправляются. Так, ну с юристом я думаю проблема решена.

Паркуюсь у дома, но идти в пустую квартиру не хочется. Захожу в супермаркет — купить что-то на ужин. Для себя.

Беру рукколу, черри, бутылку вина.

Заворачиваю в кондитерский отдел и вдруг резко торможу, прячась за стеллаж с крупами.

Около витрины с тортами стоит знакомая фигура в бесформенном пальто.

Антонина Павловна. Моя свекровь.

Она стоит и придирчиво выбирает торт, тыча пальцем в стекло.

— Девушка, а вот этот, «Панчо», он свежий? Мне нужно, чтобы пропитанный был. Мы с девочкой сладкое любим.

Я хмурюсь. С какой девочкой?

Антонина Павловна — человек-токсин. У неё нет подруг. Она переругалась со всеми соседками, а родственники стараются обходить её за километр. Она всех разогнала своим ядом.

Даже её муж, свекор, которого я видела только на старых фото, сбежал от неё десять лет назад. Купил маленький домик у озера в какой-то глуши, женился на рыбалке и, по слухам, живет лучшую жизнь. Я его не осуждаю. Я ему завидую.

Свекровь наконец получает свою коробку с тортом, берет её бережно, как святыню. Тут у неё звонит телефон.

Её вечно кислое лицо расплывается в такой приторной улыбке, что меня чуть не тошнит.

— Да, моя дорогая! — воркует она в трубку. — Уже подошла? Я бегу.

«Моя дорогая»?

У меня внутри все холодеет.

Я смотрю, как она семенит к выходу, счастливая и довольная.

Ах вы твари. Все семейство. Сговорились.

Ну ничего. Приятного аппетита, мама. Надеюсь, вы подавитесь.

Домой я возвращаюсь злая как черт.

Иду в душ, стою под горячей водой минут двадцать, смывая с себя ощущение грязи.

На кухне готовлю ужин. Только себе.

Салат, бокал вина. Сажусь, открываю новости.

Слышу, как открывается входная дверь.

Олег.

Он входит на кухню, на ходу стягивая галстук. Вид у него помятый, раздраженный.

— Привет, — бросает он, не глядя на меня. И сразу лезет к плите. — Что у нас поесть? Я голодный как собака.

Он поднимает крышку сковородки. Пусто.

Поднимает крышку кастрюли. Там остатки вчерашнего супа его маман на дне.

— Марин? — он поворачивается ко мне с искренним возмущением. — А где ужин?

Я спокойно накалываю помидорку черри на вилку.

— В кастрюле суп остался. Накладывай сам, если хочешь. Руки не отвалятся.

У Олега глаза лезут на лоб.

— В смысле? Ты что, ничего не приготовила свежего? Ты же дома сидела весь день! Я прихожу с работы, уставший, а тут...

— Я была занята, — я делаю глоток вина, глядя на него поверх бокала.

— Чем?! — взрывается он. — Чем ты могла быть занята? Сериалами? Маникюром? Я пашу, деньги зарабатываю, кредиты плачу, а она сидит, вино пьет!

— Я готовилась, Олег. Я завтра выхожу на работу.

Он застывает с поварешкой в руке.

— Чего? Куда? Я же сказал, что это бред!

— В «Гранд-Интерьер». — Я произношу это с наслаждением. — В отдел внутреннего аудита. Меня взяли. Завтра первый рабочий день.

Тишина. Только гудение холодильника и тяжелое дыхание мужа.

Олег бледнеет. Потом идет пятнами.

— Ты... ты шутишь? — сипит он. — В мой холдинг? Аудитором?

— Именно. Мне надоело сидеть дома и деградировать. Я устала от всего, Олег. Я хочу отвлечься. Ты же сам сказал — я только деньги трачу. Вот, буду зарабатывать.

— Ты не пойдешь туда! — орет он, швыряя поварешку в раковину. Грохот стоит страшный. — Ты меня позорить там будешь? Жена начальника логистики — и какая-то офисная крыса? Чтобы надо мной все ржали? Я запрещаю!

— Ты мне ничего не можешь запретить, — я даже не вздрагиваю. — Я выхожу завтра в девять ноль-ноль. Смирись.

— Дура! — он мечется по кухне. — Какая же ты дура, Марина! Ты хоть понимаешь, куда ты лезешь? Там люди серьезные, там...

В этот момент его телефон на столе вибрирует. СМС.

Олег хватает трубку. Бегло читает.

Выражение лица меняется мгновенно. Гнев сменяется какой-то суетливой паникой.

— Черт... — бормочет он. — Опять с таможней проблемы. Груз встал.

Я усмехаюсь.

— Опять? Прямо эпидемия на таможне.

— Тебе не понять! — огрызается он, уже вылетая в коридор. — Мне надо ехать. Срочно. Не жди.

Он даже не переодевается. Хватает ключи.

— И чтобы завтра... Ай, потом поговорим! — машет он рукой и хлопает дверью.

Я остаюсь в тишине.

— Ага, вали, — говорю я в пустоту. — Беги к мамочке и своей «дорогой». Тортик стынет.

Мой телефон пиликает.

Сообщение от Иры.

«Нашла! Записывай. Аглая Соколова. Она зверь. Сказала, что ты от меня, она готов встретиться. Завтра скину время».

Я улыбаюсь.

Ну что, Олег. Ты думал, я буду плакать?

Я буду действовать.

Глава 6

Охранник на въезде в подземный паркинг сверился со списком и, увидев мою фамилию, расплылся в улыбке, которой позавидовал бы чеширский кот.

— Доброе утро, Марина Юрьевна! Проезжайте. Место 305. Прямо у лифта, рядом с машиной Давида Александровича.

Я кивнула, стараясь сохранить невозмутимое лицо, хотя внутри меня плясали маленькие мстительные чертята.

Моя побитая жизнью и «Гелендвагеном» красная «Мазда» встала на VIP-место как родная. Слева — тот самый черный монстр босса. Справа — пустота.

А вот «Лексуса» мужа здесь не было. Начальникам отделов полагалась парковка на минус втором уровне, где вечно пахло сыростью и бегали крысы.

Мелочь, а приятно. Статусность — это такая штука, к которой быстро привыкаешь.

Я поправила юбку-карандаш, проверила, идеально ли сидят мои новые лодочки, и направилась к лифтам.

Двери уже почти закрывались, когда чья-то рука резко вклинилась в проем. Створки разъехались, и в кабину влетел Олег.

Взмыленный, с портфелем наперевес и галстуком, съехавшим набок. Видимо, бежал с минус второго этажа пешком,

потому что лифты для простых смертных вечно заняты.

Увидев меня, он застыл.

Мы были в кабине одни. Зеркальные стены множили наши отражения: я — свежая, спокойная, с легкой полуулыбкой. И он — красный, помятый и злой.

— Ты... — выдохнул он, нажимая кнопку своего этажа. — Ты все-таки приперлась.

— Доброе утро, любимый, — пропела я. — И тебя рада видеть. Галстук поправь. Выглядишь не очень.

Олег дернул галстук так, будто хотел себя задушить окончательно. Он шагнул ко мне, нарушая личное пространство. Раньше я бы вжалась в стенку. Сейчас я стояла, не шелохнувшись, глядя ему прямо в глаза.

— Что с тобой происходит, Марин? — его голос дрогнул, скатываясь в привычную жалобную тональность. — Ты сама не своя. Дерзишь, язвишь, смотришь на меня как на врага народа. Где моя Марина? Где та милая, добрая девочка, на которой я женился?

Меня чуть не стошнило от этой театральщины. «Милая девочка». Читай: удобная дурочка.

— Та девочка выросла, Олег, — спокойно ответила я, глядя на цифры этажей, бегущие на табло. — И поняла, что добротой кредиты не погасишь.

— Ты ведешь себя как сука, — выплюнул он. Маска жертвы слетела мгновенно.

— Ну что ты. Я просто беру пример с тебя. Ты же сам жа-

ловался вчера, как тебе тяжело тянуть семью, маму, машину... Вот, я пришла помочь. Буду зарабатывать. Радоваться должен. Жена при деле, семейный бюджет пополняется.

— Пополняется... — прошипел он. — Смотри мне, Марина. Если ты хоть слово кому вякнешь про мои... про наши дела, или будешь строить глазки мужикам — я тебя уничтожу. Ты здесь никто. Пустое место. Тебя взяли только потому, что HR — дура.

Лифт звякнул, останавливаясь на его этаже.

— Хорошего дня, Олег, — улыбнулась я одними губами. — И не переживай. Я здесь не для того, чтобы строить глазки. Я здесь, чтобы работать. С цифрами. А цифры я люблю больше, чем людей. Они не врут.

Он вылетел из лифта как пробка из бутылки, даже не обернувшись.

Я осталась одна и, наконец, выдохнула. Сердце колотилось, но руки не дрожали.

Первый раунд за мной. Он боится. Он реально боится.

Отдел внутреннего аудита встретил меня тишиной, стрекотом клавиатур и запахом дорогого кофе. Здесь царила совсем другая атмосфера, нежели в суетливой логистике. Здесь люди не бегали. Здесь люди думали. И искали ошибки других.

— Коллеги, минуточку внимания! — громко произнесла Елена из кадров, заводя меня в опенспейс.

Десять голов одновременно повернулись в мою сторону.

Взгляды оценивающие, сканирующие.

— Знакомьтесь, наш новый ведущий экономист — Марина Юрьевна Петрова. Прошу любить и жаловать.

По рядам прошел шелест. Я услышала тихий шепот за спиной:

— Петрова? Это жена того самого Петрова из логистики?

— Ага, Олега. Того, что вечно сметы завышает.

— Ого... Жена в аудите, муж в закупках? Это что, семейный подряд или война кланов?

— Ставлю на войну. Ты видел её взгляд?

Я сделала вид, что оглохла.

Меня проводили к столу у окна. Шикарный вид на Москву, два монитора, эргономичное кресло.

— Ваш доступ уже открыт, — сказал сисадмин, парень с хвостиком, быстро вбивая пароли. — 1С, CRM, почта, база договоров. Папку «Особый контроль» не трогайте без санкции начальника. Удачи.

Я осталась одна перед светящимся экраном.

Ну, здравствуй, дивный новый мир.

Первые два часа я честно вникала в регламенты.

Но как только коллеги разбрелись на обед, я открыла базу 1С. Пальцы сами набрали в поиске фильтр: «Департамент логистики / Склад №4». Это вотчина Олега.

Список транзакций вывалился на экран бесконечной простыней.

Перевозки, закупки упаковки, ГСМ... Скука.

Я отсортировала по колонке «Списания и брак».

И тут мои глаза округлились.

— Ого... — прошептала я.

За последний квартал отдел Олега списал товара на пятнадцать миллионов рублей.

Пятнадцать. Миллионов.

Причина списания везде одна: «Бой при транспортировке» или «Производственный брак, выявленный при приемке».

Я кликнула на детализацию.

Что же у нас так часто бьется?

12.02. Диван угловой «Emerald Paradise», велюр, изумрудный. Стоимость: 450 000 руб. Причина: Разрыв обивки, поломка каркаса.

18.02. Люстра хрустальная «Versailles». Стоимость: 280 000 руб. Причина: Бой подвесов.

01.03. Ковер шелковый ручной работы. Стоимость: 600 000 руб. Причина: Залитие технической жидкостью.

Я откинулась на спинку кресла.

Диван за полмиллиона? Люстра? Ковер?

Это не «бой посуды». Это элитная мебель.

И что, Олег хочет сказать, что грузчики каждую неделю роняют именно самые дорогие позиции? А дешевые стулья из ДСП доезжают целыми?

А что, если эти диваны и люстры не разбиты?

Списание брака — идеальная схема. Товар исчезает с ба-

ланса фирмы официально. А по факту — целехонький едет к новому хозяину.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок азарта.

В этот момент на мой стол легла тень.

Я резко свернула окно 1С.

Надо мной стоял Давид Александрович. Львов. Собственной персоной.

— Обустраиваетесь, Марина Юрьевна? — в его голосе слышалась насмешка. — Надеюсь, клавиатура не пострадает так же, как мой бампер?

Глава 7

Он стоит, опираясь бедром о соседний пустой стол, и смотрит на меня с высоты своего роста. Пиджак расстегнут, руки в карманах. В офисе он выглядит еще более внушительным, чем на дороге. Хищник в своей естественной среде обитания.

— Давид Александрович, — я киваю, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Клавиатура в порядке. В отличие от нервной системы некоторых водителей.

Уголок его рта ползет вверх.

— Это вы про меня или про себя, Марина Юрьевна?

— Это я про ситуацию в целом.

Он усмехается, но взгляд его серых глаз скользит по моему погасшему монитору. Интересно, успел он заметить, что я копалась в базе логистики? Или просто проходил мимо?

— Я зашел сообщить, что вопрос с нашей маленькой аварией улажен, — произносит он деловым тоном. — Я передал европротокол своему брокеру. Ваша страховая свяжется с вами сегодня до вечера. Выплату подтвердят быстро, я попросил ускорить процесс. Так что можете записываться на ремонт.

Я моргаю. Он попросил ускорить? Обычно виновники ДТП стараются затянуть процесс, а этот...

— Спасибо, — искренне говорю я. — Это... неожиданно.

— Я ценю свое время и время своих сотрудников, — он отстраняется от стола. — А вы теперь сотрудник. Так что работайте спокойно.

— Спасибо.

Он кивает и идет дальше по коридору. Его походка уверенная, властная. Сотрудники, мимо которых он проходит, инстинктивно втягивают головы в плечи.

А я выдыхаю.

Обед заканчивается. Офис наполняется шумом: стук каблуков, смех, запах разогретой еды и кофе.

Мои соседки по кабинету — две молодые девушки, Катя и Лена, — возвращаются с перерыва, хихикая и обсуждая что-то в телефонах.

— Ой, Марин, вы тут? — Катя, блондинка с ярким маникюром, плюхается на свой стул. — А мы думали, вы с нами пойдете. Кстати! Прикиньте, наконец-то фотки с новогоднего корпоратива выложили!

— Да ладно? — Лена округляет глаза. — В марте? Я думала, наш фотограф их до лета проявлять будет. Он же как черепаха!

— Ага, «творческая личность», — фыркает Катя. — Давай посмотрим, пока начальство не вернулось.

Они сдвигают стулья и открывают папку на общем диске. Я делаю вид, что работаю, но уши сами ловят их разговор.

— Ой, смотри, Светка из бухгалтерии! Ну и платье, господи, как колбаса в сетке...

— А это кто? Айтишники? Они что, трезвые были? Скукотища.

— О! А это ваш муж, Марина Юрьевна! — вдруг восклицает Катя. — Идите, гляньте! Он тут вообще отжигает!

Любопытство пересиливает. Я подкатываюсь на кресле к их столу.

На экране — фото с танцпола.

Олег.

В расстегнутой рубашке, с галстуком на лбу, красный, потный, в какой-то нелепой позе — то ли присядка, то ли попытка изобразить брейк-данс. Вокруг него толпа, все смеются и хлопают.

— Ну дает! — хохочет Лена. — Я и не знала, что Олег Викторович так умеет! Прямо король диско!

— Да уж, — усмехаюсь я, стараясь держать марку «крутой жены». — Танцор диско. Ему бы на «Минуту славы» идти, а не в логистику. Там бы он точно гран-при взял.

Девушки заливаются смехом.

— Точно! Ой, давайте дальше...

Катя щелкает мышкой.

Следующий кадр.

Смех обрывается мгновенно. Как будто кто-то выключил звук.

На фото — полумрак чилаут-зоны. Диван.

Олег сидит, откинувшись на спинку. В одной руке у него бокал, а другой он обнимает девушку.

Не просто обнимает.

Его рука лежит на её талии, по-хозяйски, крепко прижимая к себе. Пальцы сжаты на ткани её платья. Их лица очень близко. Они смеются, глядя друг другу в глаза. Так смотрят не на коллегу. Так смотрят на любовницу.

У девушки длинные темные волосы, рассыпанные по плечам, и открытое платье с пайетками. Она молодая, яркая.

Это точно она. Та самая Кристина, на чьё имя Олег делал банковские переводы…

Повисает тишина. Липкая, тяжелая, звенящая.

Катя замирает с рукой на мышке. Лена краснеет и отводит глаза.

Они знают.

Они все знают.

Весь этот чертов офис видел, как мой муж лапал эту девицу на корпоративе, пока я сидела дома и ждала его с очередным провальным тестом на беременность.

— Ой... — выдавливает Катя, и её голос звучит жалко. — Что-то... Работать пора. Давайте потом досмотрим.

Она судорожно закрывает окно с фотографиями.

— Да-да, отчетов куча, — поддакивает Лена, уткнувшись в свой монитор.

Но я успеваю перехватить их взгляды.

В них нет смеха. В них — жалость.

Та самая унизительная, липкая жалость, которой награждают обманутых жен. «Бедная, рогатая, последняя узнала».

Ком встает в горле. Хочется заорать, перевернуть этот стол, разбить монитор.

Но я не из тех, кто позволит обсуждать мои слёзы в курилке.

Я медленно выпрямляюсь.

— Действительно, — говорю я ровным, ледяным голосом.

Я разворачиваю кресло и возвращаюсь за свой стол.

Спина горит от их взглядов. Но я держу её прямой, как палку.

Значит, она здесь.

Кристина работает в «Гранд-Интерьере».

Но это точно не секретарша Олега. Его секретаря, Любовь Михайловну я знаю — той уже пятьдесят, и она внуков нянчит.

Кто же ты, Кристина? Менеджер? Ассистентка? Бухгалтер?

Я закрываю глаза на секунду, воскрешая в памяти фото.

Длинные волосы. Платье с пайетками. И этот взгляд — наглый, собственнический.

Я запомнила твоё лицо, милая.

Теперь я знаю, как ты выглядишь.

Глава 8

Офис Аглаи Соколовой находился в элитном бизнес-центре и выглядел так же, как её репутация: дорого, минималистично и безжалостно. Никаких фикусов в кадках и уютных кресел. Стекло, металл, черный мрамор.

Сама Аглая оказалась женщиной неопределенного возраста с идеально прямой спиной, стрижкой каре и пронзительным взглядом. Она молча изучила распечатки фотографий, которые я сделала утром: черная карта на имя Олега, банковские выписки, переводы некой Кристине А.. Затем перешла к сканам кредитных договоров.

— Вы молодец, — наконец произнесла Аглая, откладывая бумаги. Голос у неё был низкий, с легкой хрипотцой. — Большинство женщин приходят ко мне с заплаканными глазами и переписками из мессенджеров. А с этим, — она постучала наманикюренным ногтем по столу, — я уже могу работать. Но давайте смотреть правде в глаза, Марина. У нас мало времени.

Я напряглась.

— Если он готовил эту соломку с кредитами, значит, план отхода у него есть, — жестко констатировала адвокат. — Если он пойдет в суд завтра, по закону все долги, оформленные в браке, делятся пополам. То, что кредиты на вас, делает ситуацию хуже: банк будет трясти вас, а с него вы будете

выпрашивать половину платежей годами. Это сделает вашу жизнь Марина, адом.

По спине пробежал ледяной холодок.

— И что мне делать?

Аглая взяла дорогую перьевую ручку и пододвинула к себе чистый лист.

— Первое. Нам нужно доказать, что кредитные деньги и общие доходы расходовались не на нужды семьи, а в ущерб ей. Эти пятьдесят тысяч еженедельно на счет некой Кристины, устрицы, белье — это наш козырь. По тридцать девятой статье Семейного кодекса суд может отступить от равенства долей, если один из супругов расходовал общее имущество в ущерб интересам семьи. Я потребую уменьшить его долю в вашей квартире соразмерно этим тратам.

— А кредиты на машину и мотор?

— Кто ездит на машине? — прищурилась Аглая.

— Он. У меня своя, купленная еще до брака. В его страховку я даже не вписана.

— Идеально. Мы соберем штрафы с камер, где за рулем он, возьмем копию страховки. Мы докажем, что имуществом пользовался только ваш муж, и повесим выплату остатка долга полностью на него.

Я медленно выдохнула. План обретал форму. Ощущение безысходности отступало.

— Есть еще кое-что, — я выпрямила спину и посмотрела прямо в холодные глаза адвоката. — Вчера я устроилась на

работу в холдинг «Гранд-Интерьер». В тот самый, где Олег возглавляет отдел логистики. На должность ведущего аудитора.

Аглая чуть заметно приподняла бровь. В ее взгляде мелькнул искренний интерес.

— Так, интересно. Зачем вам это?

— Сегодня, в первый же день, я кое-что нашла, — я мстительно улыбнулась. — За последний квартал его отдел списал элитной мебели на пятнадцать миллионов рублей. Причина — якобы «бой при транспортировке». Диваны за полмиллиона, хрустальные люстры, ковры. Я почти уверена, что он не бьет этот товар, а пускает налево. И именно с этих теневых доходов оплачивает устрицы и переводы своей любовнице. Если я смогу вытащить эти схемы на свет...

Я замолчала, ожидая реакции.

— Браво, Марина, — Аглая позволила себе скупую, но абсолютно искреннюю улыбку хищника, оценившего хватку партнера. — Вот это уже разговор не обиженной жены, а очень опасного противника. Внедриться в компанию мужа — ход рискованный, но потрясающе красивый.

Она подалась вперед, опираясь локтями о гладкую поверхность стола, и её голос зазвучал еще более вкрадчиво.

— Эти махинации с диванами — наша золотая жила. Но давайте грамотно разделять поля боя. Семейный суд не занимается хищениями на складах, это компетенция службы безопасности и ОБЭП. Однако, если вы добудете железобе-

тонные доказательства его воровства, мы используем их на все сто процентов.

— Как именно? — уточнила я.

— Как идеальный рычаг для жесткого шантажа, — глаза адвоката блеснули холодным азартом. — Мы положим эту папку перед ним на стол в тот момент, когда предложим подписать мировое соглашение на наших условиях. Поверьте, моему опыту: он отдаст вам всё и сам закроет свои кредиты, лишь бы эти бумаги не легли на стол его генеральному директору или следователю.

Я кровожадно улыбнулась. Эта перспектива нравилась мне всё больше.

— Но, чтобы наш капкан захлопнулся без осечек, мне нужен второй элемент, — Аглая постучала кончиком ручки по банковской выписке. — Для суда мне необходимы полные данные этой Кристины. Фамилия, место работы. Чтобы я могла сделать официальный запрос на движение средств по её счетам и доказать, что она — его содержанка. Это раз. И два: Олег не должен ничего заподозрить. Если он поймет, что вы копаете, он перепрячет активы, перепишет машину на мать или подаст на развод первым на своих условиях.

— Вы предлагаете мне улыбаться ему за ужином? — меня передернуло от отвращения.

— Я предлагаю вам стать гениальной актрисой, — отрезала Аглая. — Играйте уставшую от новой работы, задерганную жену. Жрицу домашнего очага, у которой просто сдали

нервы на фоне стресса. Усыпите его бдительность. Дайте мне две недели на подготовку исков и запросов. А потом мы захлопнем капкан так, что он даже пискнуть не успеет.

Из башни Сити я вышла с чувством абсолютной, кристальной ясности в голове. У меня есть юрист-бульдозер. И у меня есть цель. Узнать, кто же такая наша любовница.

Телефон пиликнул в кармане пальто. Сообщение от Ирки: «*Жду тебя в "Peshi". Столик на двоих. Я уже заказала вино, так что попробуй только опоздать!*»

Ресторан оказался в самом центре, с приглушенным светом, тихим джазом и безупречным обслуживанием. Ира сидела за столиком у окна, эффектная рыжая бестия в изумрудном шелковом топе, и уже крутила в руках бокал с ледяным шабли.

Она пережила развод три года назад, выпотрошив своего бывшего до последней нитки, и с тех пор цвела так, словно питалась мужскими слезами.

— Маруся! — она вскочила, сгребая меня в охапку. От неё пахло дорогими духами и свободой. — Господи, ну наконец-то! Я думала, ты так и сгниешь на этой кухне со своим логистом. Дай я на тебя посмотрю!

Она усадила меня, напротив, и придирчиво оглядела.

— А что, новая работа тебе к лицу. Глаз горит, осанка появилась. Ну, рассказывай! Как прошла встреча с Соколовой?

Я выдохнула, чувствуя, как спадает напряжение этого безумного дня. С Иркой не нужно было держать лицо.

— Она зверь, Ир. В хорошем смысле. Сказала собирать документы. И мне нужно найти фамилию его любовницы.

— Шикарно! — Ира салютовала мне бокалом. — А твой-то что? Сильно бесился, что ты на работу вышла?

— Чуть поварешкой не подавился, — я усмехнулась, делая глоток идеального, терпкого вина. — Кричал, что я его позорить буду. А я сегодня базу открыла... Ир, он там такие суммы списывает на «разбитые» диваны, что мне страшно стало.

Официант принес нам устрицы и тартар из тунца. Ира элегантно капнула лимоном на моллюска.

— Слушай, ну логика у твоего Олега всегда прихрамывала. Это ж надо додуматься — воровать у собственной компании, завести любовницу-содержанку, при этом с тобой ещё пытаться сделать ребёнка. Премия Дарвина, не иначе.

Мы проговорили два часа. Я рассказала ей про наглого босса с его «Гелендвагеном», про корпоративные фото, где Олег лапал брюнетку в пайетках на глазах у всего офиса. Ирка сыпала сарказмом, заставляя меня смеяться до слез. Впервые за долгое время мне было просто... хорошо. Я чувствовала себя живой.

— Так, подруга, — Ира промокнула губы салфеткой. — Месть местью, но тебе надо хорошенько отдохнуть и расслабиться, иначе ты до суда не доживешь.

Она потянулась за своим телефоном, лежащим на столе.

— Знаю я один потрясающий спа-салон. Там такой мас-

саж делают — просто космос. Сейчас скину тебе их профиль, запишешься на выходные.

Она разблокировала экран, и модная соц.сеть автоматически открылось на вкладке с рекомендациями.

Я случайно скользнула взглядом по её экрану. Там как раз начал воспроизводиться короткий видеоролик. Знакомая ритмичная музыка.

В кадре — гигантский, просто неприличных размеров букет красных роз. Камера поднимается выше, выхватывая лицо смеющейся девушки. Она игриво поправляет темные волосы, демонстрируя в камеру браслет Cartier, а подпись гласит: «*Когда твой мужчина знает, как сделать утро добрым ####*».

Сердце сделало тяжелый, болезненный удар о ребра и замерло.

Длинные темные волосы. Знакомые, хищные черты лица.

Это была она. Та самая брюнетка в пайетках с корпоративной фотографии моего мужа.

— Ир... — мой голос вдруг сел, превратившись в сиплый шепот. — Стоп.

— Что такое? — Ирка удивленно подняла глаза, заметив, как я побледнела.

— Открой этот профиль, — я не отрывала взгляда от экрана, чувствуя, как внутри снова поднимается та самая ледяная волна.

Глава 9

Ира молча ткнула ухоженным ногтем в аватарку. Страница обновилась.

«Kristina_A_official»

В шапке профиля красовалось: *«Вдохновляю на роскошь. Учу быть женщиной, ради которой сворачивают горы (и покупают Cartier) ##».*

— Ир, это она, — мой голос звучал пугающе спокойно. — Та самая брюнетка в пайетках с корпоративной фотографии моего мужа.

Ирка поперхнулась шабли и закашлялась, прикрывая рот салфеткой.

— Да ладно?! Серьезно? Господи, Маруся, как тесен мир!

Она придвинула телефон ближе к центру стола, чтобы нам обеим было удобно смотреть. Мы начали листать ленту. Фотографии пестрели изобилием: Кристина с бокалом на Патриках, Кристина в Дубае, Кристина в спортзале в леопардовых лосинах. Судя по регулярности постов, девушка была активным блогером. И, очевидно, совмещала это со своей таинственной работой в «Гранд-Интерьере».

— Слушай, ну по лицу же видно — интеллект как у хлебушка, — Ира брезгливо скривилась, увеличивая селфи, где губы Кристины занимали половину кадра. — Вместо мозга там явно солома и гиалуронка. Бьюсь об заклад, она в вашем

холдинге даже не менеджер. Максимум — администратор на ресепшене или чья-то личная помощница «по особым поручениям».

Я не ответила. Мой взгляд, натренированный годами работы с таблицами, выхватывал не лица, а детали.

— Ир, пролистай чуть вниз.

Палец подруги скользнул по экрану.

— Стоп! — я перехватила её руку.

На экране светилась фотография от 14 февраля. Кристина сидела в соблазнительной позе на роскошном, абсолютно новом диване, утопая в гигантском букете белых роз.

Я впилась взглядом в обивку.

Глубокий изумрудный цвет. Дорогой велюр. Изогнутые золоченые ножки.

В голове мгновенно всплыла строчка из базы 1С, которую я видела сегодня днем: «12.02. Диван угловой "Emerald Paradise", велюр, изумрудный. Стоимость: 450 000 руб.». Тот самый, который Олег якобы списал из-за «разрыва обивки и поломки каркаса».

На фото каркас был целее всех целых. Никаких разрывов. Идеальный диван за полмиллиона.

Я перевела взгляд на подпись под постом:

«Девочки, умейте радовать своих мужчин, и они вам ответят взаимностью! Мой тигр, например, подарил мне сегодня этот роскошный диван в мою новую квартиру и букет белых роз ##А как правильно просить мужчину о дорогих

подарках и не получать отказы, я подробно рассказала на своих курсах по соблазнению. Ссылка в шапке профиля! ##»

Мы с Иркой переглянулись. Секунда тишины — и мы обе взорвались смехом. Смех был нервным, истерическим, но удержаться было невозможно.

— Курсы по соблазнению?! — Ирка хохотала так, что на нас начали оборачиваться с соседних столиков. — Серьезно?! Маруся, твой Олег — просто наглядное пособие! Типичная инфоцыганка разводит его на бабки, а он думает, что он альфа-самец!

— Интересно, — я вытерла выступившие от смеха слезы, — Олег вообще в курсе, что он — «успешный кейс» на её марафонах по раскрутке мужиков на диваны?

— Да он поди еще и гордится этим! — Ира быстро свайпнула вверх и кликнула по ссылке в профиле Кристины.

Открылся типичный, сверкающий розовым золотом лендинг. *«Как раскрыть свою женскую энергию», «Как начать цвести», «Как привлечь ресурсного мужчину»*. Всё по классике жанра.

Но главное было в самом низу страницы, мелким шрифтом в разделе оферты.

«Авторский курс. Анохина Кристина Валерьевна».

Бинго.

Анохина.

Я немедленно сделала скриншоты профиля, поста с диваном и страницы с ИП. Открыла мессенджер и отправила всё

Аглае.

«Её зовут Анохина Кристина Валерьевна. Работает в Гранд-Интерьере. Ведет курсы».

Ответ от адвоката-акулы прилетел через минуту:

«Отлично, Марина. Запускаю запросы в налоговую и банки по её счетам через свои каналы».

Я отложила телефон и сделала большой глоток вина. Внутри всё клокотало. Фамилию мы нашли, но меня не отпускал этот изумрудный диван. Это была уже не просто измена. Это было прямое доказательство того, что Олег ворует у своей компании. Но скриншот из Инстаграма к делу не пришьешь. Мне нужны накладные с его подписью. Мне нужно найти, где физически осела эта мебель, чтобы иметь на него железобетонный рычаг давления.

Мы просидели еще час. Ирка вылила на Кристину тонну отборного сарказма, и из ресторана я выходила с на удивление легкой головой. План был ясен, цель определена.

Домой я возвращалась около десяти вечера. Ожидала увидеть пустую, темную квартиру — Олег наверняка поехал «устранять аварию на таможне» на изумрудном диване своей ресурсной инфоцыганки.

Но едва я открыла дверь, в нос ударил плотный, тяжелый запах жареного масла и блинного теста. На кухне громко звенела посуда.

Я медленно сняла пальто и прошла по коридору.

У плиты стояла Антонина Павловна. Услышав мои шаги,

она демонстративно выключила конфорку, вытерла руки о передник и медленно повернулась ко мне.

Она скрестила руки на своей внушительной груди. На её лице не было привычной приторно-ядовитой улыбочки. Там было выражение прокурора на выездном заседании.

— Явилась, невестушка, — произнесла свекровь тоном, от которого скисло бы даже молоко в закрытом пакете. — Проходи. Разговор есть.

Глава 10

Олег

Я с силой сжимаю её ягодицы, делаю еще пару резких, глубоких толчков. Кристина сладко стонет, выгибаясь дугой, и приходит к финалу прямо следом за мной. Тяжело дыша, мы без сил падаем на широкий кожаный диван в моем кабинете.

Я по-хозяйски обнимаю её за плечи, покрываю поцелуями влажную шею, а затем впиваюсь в пухлые губы. Моя страстная кошка.

Она устраивается удобнее, лениво водя наманикюренным ноготком по моей голой груди. Моя рубашка расстегнута настежь, галстук валяется где-то на полу.

— Малыш, — мурлычет она, заглядывая мне

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.